

Украинские преступления ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (2022-2023)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов и
их пособников

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

Преднамеренные убийства и обстрелы мирных граждан украинским режимом

Банников Дмитрий Валерьевич, 42 года, место жительства на момент опроса – г. Артёмовск:

«Украинцы стреляли по нам, когда нас эвакуировали. У нас они в одном доме оборудовали огневую точку, которая сразу по соседству. Я теперь только понимаю, что могло с нами случиться, и уже когда никуда не денешься из этой ситуации. Мы ждали русских до последнего. Эвакуировали нас 10 марта 2023 года. Открыли дверь подвала - к нам двое русских. Начали нас выводить. Как начал по нам снайпер украинский работать. Там рядом снайпер сидел в садике, по дымоходке залез, и давай. Потом квадрокоптер нас засек и начали минами по нам. Выходили потихоньку между домами, чтобы снайпер не успел».

Коряк Татьяна Николаевна, 64 года, место жительства на момент опроса – г. Артёмовск, ул. Краснофлотская:

«Украинские военные стреляли из автоматов до домов и окнам. Рядом стоял пустой дом, там поселились автоматчики. В течение месяца они ходили по домам и стреляли по окнам. Мы спали в комнате ребенка и утром слышали, как они ходят и стреляют. Пуля попала в окно. Улицей ниже и минометчики их стояли и точно так же автоматчики, которые стреляли. Как рассказывала соседка, у нас там есть новый рынок на новом микрорайоне, она подошла к военным и сказала: «Ребята, вы нас защищаете...», они с улыбкой ей ответили, что приехали нас не защищать, а зачищать. Нас выводили русские из штурмовых отрядов. Работал украинский снайпер. Мы слышали его выстрелы и перебежали».

Преднамеренные убийства и обстрелы мирных граждан украинским режимом

Поляков Владимир Леонидович, 72 года, место проживания на момент проведения интервью – г. Артёмовск:

«По подвалам ВСУ ходили, гранаты кидали. Они знали, что там люди, и кидали туда гранаты и по людям стреляли. Потому что мы, как они называли «ждуны», которые ждут Россию. Вот так они обращались с нами. Ребята из штурмовых отрядов меня эвакуировали. 7-го числа штурмовики пришли и взяли нас под свою опеку, охраняли нас, чтобы эти сволочи из ВСУ нас не убили. Первым пошел внучки муж, а за ним правнучек Данька (8 лет) и внучка с малышом на руках 7 месяцев – Святослав, тоже мой правнучек. ВСУ как с пулемета крупнокалиберного накрыли. С поселка мы как на ладони, через водоем украинский снайпер бил. Внучке по волосам пуля прошла. Только в 10 часов вечера по темному вышли, когда эти твари из ВСУ немного успокоились».

Чернышенко Максим Валерьевич, 21 год, военнопленный, разведчик-матрос 36-й бригады морской пехоты Украины:

«В Мариуполе нам сказали занять позицию: наблюдательный пост на Никопольском проспекте возле Ильича. Четыре человека туда пошли, у нас старший был лейтенант Костенко. Потом пришел сержант и сказал, что из штаба пришел наказ всех стрелять, кто попадет из мужчин. Потом начали гражданские переходить дорогу, и сослуживцы начали стрелять в них. Переходил один мужчина, лет 38, может 40, я передал Костенко, старшему лейтенанту. Он сказал стрелять, я выстрелил в него. Застрелил. Другие тоже стреляли. Тела так и остались лежать».

Преднамеренные убийства и обстрелы мирных граждан украинским режимом

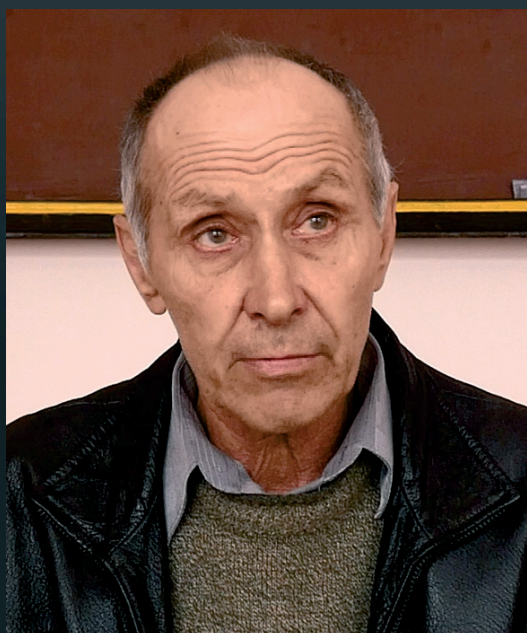

Худоба Ян Анатольевич, 21 год, военнопленный, матрос-стрелок 36-й бригады морской пехоты Украины:

«В Мариуполе видел, как наши из бригады разведроты расстреляли машину гражданскую. Когда она уезжала, мы стояли на блокпосту. Машина начала ехать навстречу, увидела нас, резко развернулась и начала движение в противоположном направлении. С подразделения разведроты сели на «Хаммер» два человека, на котором был установлен пулемёт, поехали и начали стрелять по машине. Сказали, что машина вся «в решето».

Другой случай. Мы находились на позиции, услышали выстрелы автоматные, выбежали на выстрелы, увидели гражданских людей, которые стояли возле дома, и врезавшийся в столб «Жигули» белого цвета, расстрелянный. Уточнили у гражданских, что

произошло, они сказали, что машина черного цвета «Шкода» открыла огонь по этой машине. В этой машине черной находились люди из подразделения «Азов», которые открыли огонь из автоматов по этому «Жигулю». Вооружение в машине не нашли. Один из машины побежал по дороге. Мне капитан противотанковой батареи 36-й бригады морской пехоты отдал приказ выстрелить по нему. Я выстрелил, а остальная группа пошла досматривать человека. Этот человек не был вооружен. Разведгруппа сказала, что у него было пулевое ранение в груди и 2 пули в ногу».

Крячок Анатолий Иванович, 62 года, место проживания на момент проведения интервью – г. Артёмовск, 2-й переулок Ломоносова:

«Лично сам слышал от ВСУ. Когда рядом стоял минометный расчет и по рации ему давали координаты для обстрела, а он на украинском и говорит: «Это ж центр города?», а ему отвечает рядом стоящий военнослужащий: «Тебе за что деньги платят? Тебе сказали стрелять, значит стреляй». Я поднялся на крышу, слышу хлопок недалеко, оно уже привычно и не обращаешь внимания. Удар, как будто в ногу кто-то ударил. Я сначала не понял, потом рукой дотронулся и увидел кровь. Когда второй хлопок и пуля рядом ложится, то я понял, что это по мне. Я прыгнул и уже полулежа по чердаку спустился. ВСУшники занимали дом рядом. Поставили там пулеметы, минометный расчет. Это было числа 13 марта 2023 года».

Использование «живого щита» из мирного населения: удержание заложников, препятствование эвакуации женщин и детей

Пулях Иван Алексеевич,
место жительства на момент опроса –
г. Мариуполь:

«Это я видел своими глазами – танк украинский выехал до военкомата, доехал до балки, что-то там погудел, погудел, развернулся, проехал мимо нас в «Азовсталь». Оттуда началась стрельба. Был сильный ветер, поэтому первая девятиэтажка, параллельно военкомату, сгорела дотла. Потом попадание в пятиэтажку и четырнадцатизэтажку, и все со стороны запада. Все только оттуда. Возле нас несколько взрывов. Танк стрелял с завода, потому что прилеты именно с той стороны, с территории завода. Торговый павильон, попадание туда, павильон сгорел дотла. А украинские военные, когда дом сгорел, они с того подвала с четырнадцатизэтажки людей перегнали к нам и они им не разрешали, тем людям, выйти. Вот когда дом горел, им не разрешали».

Деревянко Тамара Вартановна,
место жительства на момент опроса –
г. Северодонецк:

«Я находилась в бомбоубежище завода «Азот» с 6 марта по 24 июня (2022 года). Почти 3,5 месяца. Одно время нас было 300 с небольшим человек. Пришли украинские военные и заявили нам: «За территорию вот этого забора не выходить. Выйдете – будем стрелять». У нас был один мужчина, восемьдесят лет, и он очень часто ходил в город. Такой бесстрашный человек был, дедушка, очень часто ходил в город. Они его заметили, что он туда-сюда ходит, и предупредили, что, если хоть еще раз он появится вот на той стороне, они его застрелят. Он хотел вывести людей. Его предупредили, что его застрелят. Он уже больше не выходил».

Использование «живого щита» из мирного населения: удержание заложников, препятствование эвакуации женщин и детей

Новицкий Сергей Викторович,
место жительства на момент опроса –
пгт. Нижнее Попаснянского района:

«8 лет мы с ними сталкивались, но в последнее время зашли «Азовцы» и «Правый сектор». Это уже нелюди. Когда вода кончалась, они даже выйти нам не давали. Хотя мы стояли возле дороги, а рядом бочка стояла, но они все равно не дали. У них столько ненависти. Сосед выходил из дома, так они ему мешок надели на голову. Он из поселка выходил, метров за 100-200 дом. Пакет с документами оставил дома. С поселка выходишь, и у нас там пункт украинский стоит, они – мешок ему на голову. Проверили телефон, и всё чисто. Сказали: «Всё, иди». А он: «Ну, ребята, дайте забрать документы». Один на него автомат поставил и сказал: «Иди, или мы тебя расстреляем».

Желтоухов Игорь Евгеньевич,
место жительства на момент опроса –
г. Мариуполь, бульвар Меотиды:

«Я был в больнице. Как раз мне прокапали антибиотики и сказали, что через 5 дней закончится капельница и больше лечения никакого не будет. Смысла нахождения в больнице я не видел, и тут же товарищ сказал, что соседи выехали на нескольких машинах на Виноградное. У них получилось прорваться туда... у кого получилось, а у кого – нет. Мы выезжали дворами и прятались. Единственное место, улица Азовстальская, – я знал, что там всё простреливается. Там стреляли по людям, которые уходят. Стреляли со стороны Украины, они не давали выехать. Может, нужно было им, чтобы люди оставались там».

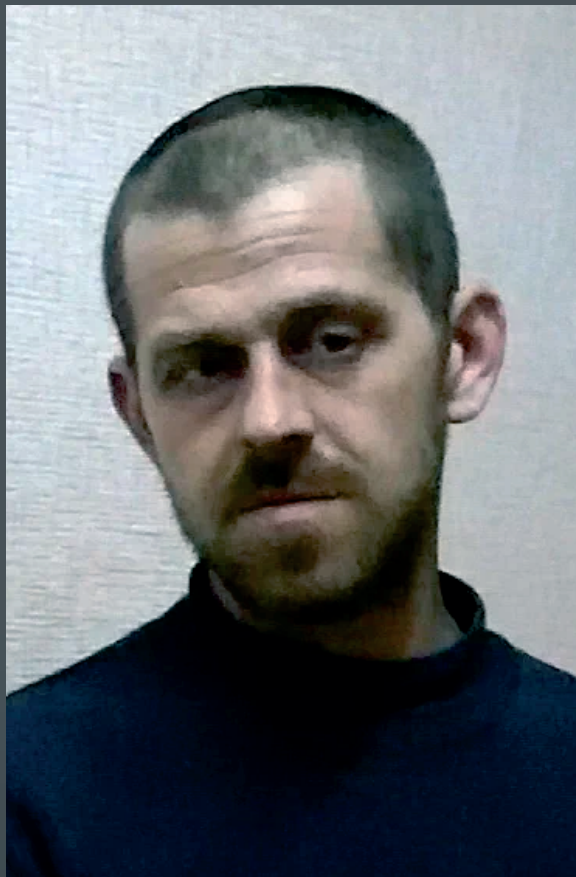
Использование «живого щита» из мирного населения: удержание заложников, препятствование эвакуации женщин и детей

Ковалев Денис Николаевич, 29 лет, место жительства на момент опроса – г. Мариуполь, Морской бульвар:

«15 марта (2022 года) приехал дядя Ковалев (Павел Николаевич) из поселка Ялта, вывезти нас к себе. На своем автомобиле приехал. Забрать меня, брата, бабушку и маму. Загрузили машину вещами, повесили белый флаг, сделали из швабры, намотали белую тряпку и на зеркала намотали белые тряпки, чтоб нас не трогали. Выдвинулись по старой улице Орджоникидзе в сторону Таганрогской трассы. На подъезде к 51-й школе украинцы начали нас расстреливать. Пули быстро пролетали. Брата убили, машина заглохла. Дядя вышел ремонтировать и сразу упал – его снайпер «снял». Я получил ранения, потом маму задело чуть-чуть и бабушку тоже чуть-чуть задело, но они, слава Богу, живы. Погиб дядя и брат. У меня ранение в голову. У мамы и бабушки головы черкнуло чуть-чуть. Я выпал с машины, встать на ноги уже не мог, нога и рука отказали. Потом мирные жители перенесли меня на тряпках во двор, в частный дом. Там мы пробыли 12 дней. 26 числа чеченцы пришли, оказали мне первую медицинскую помощь. Меня вывезли в Новоазовск, потом погрузили и на первой же машине скорой – в Донецк. Провели 4 операции».

Пытки и бесчеловечное обращение со стороны украинского режима

Будук Дмитрий Николаевич, 38 лет, место жительства на момент опроса – г. Мариуполь:

«Это какое-то сумасшествие, это был сон! Мы в 2014-м увидели скачущий майдан, мы подумали, что все закончится через год, максимум два, но потом это все нарастало и было в норме вещей. Когда «Азовцы» заехали к нам в город в 2014-2015 году ... У меня мама в 9-й больнице, где аэропорт. Они над девушками издевались, их привозили в больницу потом, у них половые органы были разорваны. Много изнасилованных было с аэропорта, это все знают. У них это «библиотека» называлось. Много случаев было. Знакомые живут возле базы «Азова», у них есть дом, слышали по ночам, как издевались над людьми, все знают, слышали. Весь город всё знает, и никто не наказан. А кому говорить? Некому, если их оправдывает государство. Если милиция их даже боится, то не о чем говорить».

Дорошенко Дмитрий Валерьевич, военнопленный, военнослужащий 56-й отдельной мотопехотной бригады Украины:

«Про «Азов» можно много нехорошего сказать. Я знаю много произвола с их стороны с 2014-2015 годов. Это было на слуху у всех. Могли взять девочек, которые стоят на остановке, на пару часов и изнасиловать. Конечно, за это не понести ответственность. Это реальные истории, так как там находились наши соседи. В городе Мариуполе они блокировали дома. Там есть 23-й и 17-й районы, и там стояли пулеметы. Соседи мне рассказывали, что их в подвалы загоняли. Я видел сам эти пулеметы, которые стоят на домах».

Пытки и бесчеловечное обращение со стороны украинского режима

Петренко Сергей Николаевич, место жительства на момент опроса – пгт. Станица Луганская, опрос происходит на месте пыточного центра украинского подразделения «Торнадо»:

«22 января 2015 года вместе с другом, прямо с улицы, белым днем, около двух часов. Когда нас в машину кинули, сразу шапки натянули на голову. Когда нас милиция забрала оттуда – четверо суток посчитали. Четверо суток постоянные прессинги. Избивали жестко. И дрыном били. Отбивали седалищный нерв. Ну сначала, конечно, стойка возле стены около четырех часов в растяжках. Они в масках были и отрабатывали удары. Бить в болевые точки. Один прямо показывал куда бить. А другой уже отрабатывал. Один был Палач. Он без маски, такой, под 2 метра. Повязка «Правого сектора» у него была. Вот это вот сильно запомнилось. Второй заходил. Он, такой, небольшого росточка. Мелькал позывной «Сэр». Периодически выводили расстреливать. Стреляли над головой. Имитацию расстрела делали. Иногда щелкали просто пистолетом. Приставляли к затылку, щелк-щелчок... на третьи сутки уже всё равно было. Это – «Торнадо». Крики доносились со многих комнат, особенно наискосок. Пытали, именно пытали. И я думаю, что запытали. Один мой знакомый там был, потом опознавали его вещи. Потом нашли только захоронение. Кости нашли, и всё. Грибники увидели вещи, потом родственники, как я узнал позже, сделали экспертизу: да, это был действительно он – Валуйский Александр. Я его просто знал, здесь, в Станице Луганской. Мы видели его в подвале, а потом уже... больше не видел. Ну, вот, посмотрите (показывает), это у них юмор такой был. Здесь написано: «...мы рады каждому клиенту...», и рядом – «Welcome to hell».

Вооруженный разбой и грабежи со стороны Вооруженных сил Украины

Щербаков Денис Викторович, военнопленный, военнослужащий 56-й отдельной мотопехотной бригады Украины:

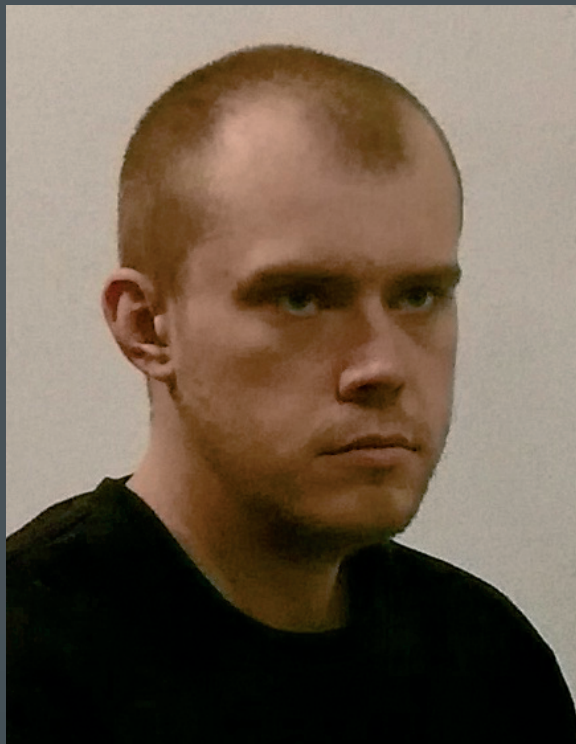
«Я знаю, что украинские нацбатальоны еще и раньше здесь грабили магазины, что забирали у людей машины. Когда я был по мобилизации, мы ехали в магазин закупаться, мы проезжали блокпосты, на этих блокпостах стоял добровольческий батальон «Донбасс». Человек, который нас возил в магазин, таксист местный, человек зарабатывал себе так на жизнь. С этого человека на каждом блокпосту, на котором стоял этот батальон «Донбасс», требовали деньги. А когда нас брали ребята в плен, – брали дагестанцы. Когда нас проводили к машине, то один у них взрослый своим ребятам сказал: «Кто их хоть пальцем тронет, я сам плохо сделаю, они сдались без боя».

Рева Светлана Владимировна, 50 лет, место жительства на момент проведения интервью – г. Артёмовск, улица Морская:

«ВСУ в посадке сидели, и зять слышал, как они обсуждали, что нужно занять наш дом. Дом был большой и хороший, они говорят: «Там дом богатый, нужно выкурить их оттуда». К тому времени они соседние дома уже зачистили. ВСУ стреляли из автоматов по дверям нашим, по подвалу, где мы прятались. Была одна семья в конце улице, и мы в начале, вот этот промежуток был уже пустой. Всё ВСУ выносили – мебель, технику, даже машину у соседа разобрали. Я стою, а они идут и даже никак не реагируют. Всю улицу вынесли, у кого что ценное было. Диваны даже».

Вооруженный разбой и грабежи со стороны Вооруженных сил Украины

Луценко Евгений Александрович, военнопленный, помощник начальника связи 56-й отдельной мотопехотной бригады Украины:

«У нас столовая находилась в Красной Поляне. Мы там пообедали и едем. Один солдат вышел из машины и побежал во двор. Снимает одеяло с машины, он как-то ее увидел. Вышла бабушка, он начал на нее орать. Запрыгивает в эту машину, под оружием бабушке: «Ключи и документы!» Женщина испугалась. Дед вышел и говорит: «Что вы это делаете?!» А он выбивает машиной ворота и уезжает. Просто бесцеремонно ворвался, даже не открыл ворота, чтобы выгнать машину, он выбил их машиной. У нас в отделении наркоманы, кто синтетику, соли, амфетамин употреблял – крыша ехала».

Марченко Олег, место жительства на момент опроса – г. Мариуполь:

«У меня были ролеты на рынке. Батальон «Азов» охранников под автоматы, говорят: «Показывай». Они вскрывали, ломали всё. Забрали все вещи и всё вывезли, всё, что дорогое. Остальное спалили и рынок спалили. Охранники ничего не могли. Их убили бы, им даже перед ногами стреляли. Охранник сказал мне: «Ну как я против автомата с дубинкой – никак, убили бы меня». Азовцы – твари. Когда они в Мариуполе находились, они в аэропорт людей вывозили, и те без вести пропадали».

Нападения и обстрелы больниц и госпиталей, целенаправленное уничтожение гражданских объектов в городах под украинским контролем

Коломущенко Леонид Николаевич, 75 лет, место жительства на момент опроса – г. Мариуполь, проспект Победы:

«Я лежал в 4-й больнице. У меня был отморожен большой палец. Украинцы били всю ночь по больнице. Там же нет никого, там только одни больные. В подвал людей начали спускать. Люди бегают и не знают, куда бежать. Украинцы хотели стереть Мариуполь с лица земли. Говорили, что не будет Мариуполя. Бывало, идешь по улице, и везде трупы валяются. Все люди видели, как они открывали огонь. До окна подойдешь, а они открывали огонь, и люди падали. Кого хотят, того пропустят, а кого не хотят, того застрелят. Только русские делали эвакуацию. Танками и бронетехникой подъезжали туда, в середину, и людей забирали. Те же не давали вывести ничего. Украинцы не давали уйти никому. Потому что это как нацисты.

Сделали бы хотя бы коридор для детей. Из ДК Строителей к нам люди прибежали. Они побежали в райисполком, но их там начали обстреливать. Украинцы били гаубицами. Потом люди к нам прибежали. Там людей столько набилось. Украинцы воду не давали завозить, хоть даже ржавую, но все равно не давали машине подъехать. Воду раз в день по 100 грамм. Каша – одна ложка в день. Детям давали чуть больше, а нам как могли. Украинские военные не давали подойти и подъехать ничему. Много детей было. Потом вывозили их как-то. Русские солдаты рисковали потом, детей на плечи и на руки сажали и выносили. Дети старикам воды ходили добывать. Воду вычерпали, где запасы были. Ночами лазили, как партизаны, воду брали. Украинцы не давали подойти. Они же потом все подходы так подорвали, что нельзя было выйти из больницы. Это надо было своими глазами видеть. Тихий ужас».

Яйно Юлия Викторовна, место жительства на момент опроса – г. Мариуполь

«Пять человек из нашего дома пошли за водой на Криницу в парк Приморский. Раздалась стрельба, мы все попадали на землю, но встали не все. Была легко ранена женщина, я посложнее, мужчина не очень сильно в ногу, второй мужчина сильно, а третий мужчина уже не встал. Они хотят представить мировой общественности, что это делали российские солдаты. Люди видели, подъезжает украинский танк к «Адастре», это у нас здание Медицинского центра, наводит дуло на здание, делает два выстрела и уезжает».

Нападения и обстрелы больниц и госпиталей, целенаправленное уничтожение гражданских объектов в городах под украинским контролем

Наталья Петровна, вахтер больницы им. Калинина в Донецке:

«Это уже второй прилет. В 14-м году уже был прилет по больнице. А мне еще тогда сказали: «Николая сегодня (День святителя Николая), смотри, они тебя поздравят, будь осторожна!»
А я в комнате была. Вот здесь сидела за сейфом. Когда оно первый раз лупануло, я под сейф и укрылась. Оно потом полетело дальше, стекла на меня. Так если б оно рухнуло, оно б прибило меня. Я ждала. Думаю, будет, будет. Но чтоб так по наглomu, так сильно не было. Стреляют для устрашения людей. Чтоб полностью психику людям уже добить».

Рюрина Раиса Федоровна, место жительства на момент опроса – пгт. Новолуганское:

«В посёлке ВСУ разрушили улицу Первомайская. Полностью. Там и магазины, и жилые дома. Мы видели лично танки. Танки, БТРы здесь были. По всему посёлку стреляли ВСУ, не только по Первомайской и пятиэтажным домам – там тоже разрушения. Одно время танки подъезжали к домам. Жители, женщины в основном, выходили. Они говорили: «Мы скоро уедем». Они чувствовали, что это утеряно всё. В двадцать шестом доме жил мужчина. Он пытался что-то сказать им. Его так аккуратно взяли ... Федя Беседа. ВСУ говорили нам: «Ну, вы, луганчане, вы не думайте, что вы отделаетесь лёгким испугом, мы вас оставим на закуску». Украинский военный ездил на «Волге» и говорил, весь поселок об этом знает. Он постоянно говорил: «Мы, когда будем уходить отсюда, отступать, мы ваш посёлок разобьем».

Нападения и обстрелы больниц и госпиталей, целенаправленное уничтожение гражданских объектов в городах под украинским контролем

Олейник Сергей Анатольевич,
место жительства на момент опроса –
г. Северодонецк:

«Мы сейчас находимся в полуподвальном помещении Северодонецка, где начиная с февраля месяца пытались укрыться и спастись от обстрелов много людей. Были дни, когда находилось и 60 человек. Велись целенаправленные обстрелы. Почему я так уверенно говорю, потому что я – ветеран войны в Афганистане, полковник в отставке. Я оканчивал училище по артиллерийскому профилю, поэтому я могу определить откуда и куда стреляли. Мы, которые здесь всё пережили, можем железобетонно доказать, что это все делалось со стороны Хохляндии. Обстрелы велись с их стороны. Это тактика, которая была у фашистов во время ВОВ. Если посмотреть из торца дома, то проглядывается направление на Лисичанск, то есть они тупо расстреливают город. Для чего? Я не знаю. Мы пытались и коллективно разобраться, для чего это делается, но не можем понять. Они – просто нелюди. Обстрелы начались в торговые центры. Туда они попадают, все выносят, что им надо. Аптеки, магазины, ТЦ, школы, больницы – всё это целенаправленно уничтожалось. Это, однозначно, тактика выжженной земли. Это самый натуральный терроризм. Самое интересное, что это не есть действия людей или группы, наверняка есть команда по вертикали, и идет команда «всё уничтожать». Мы в Афгане, в чужой стране, даже не допускали мысли творить то, что творят хохлы. Надо, чтобы все украинские артиллеристы и те, кто отдает приказы, были осуждены не так, как все остальные. Стрелять по мирным людям – не знаю, какие там должны быть ценности, мораль и т. д. Поэтому было бы хорошо, если бы этот вопрос был бы показательным».

Нападения и обстрелы больниц и госпиталей, целенаправленное уничтожение гражданских объектов в городах под украинским контролем

Штали́на Елена Николаевна, место жительства на момент опроса - г. Мариуполь:

«Украинские танки целенаправленно направляли на квартиры домов свои дула и расстреливали квартиры. Мои родственники в районе 23-го микрорайона сказали, что видели, как танк направляет дуло на квартиру: «Вы хотели в Россию, нате вам! Вы хотели вторую Одессу, вот вам ещё!». Похоронили молодую семью за домом этим. Не понятно, за что. Хочется спросить украинскую власть: почему, за что? Понятно, что каждый из них видит свои интересы. Но за что так с мирным населением, сколько смертей, сколько травм! У меня осколочное, минно-взрывное ранение и перелом правого бедра со смещением».

Голикова Вера Мироновна, 87 лет:

«Утром 22 августа 2022 года были большие обстрелы. Всё били, били. Один обстрел, бах – сын выскочил отсюда, а я ж там. Он выскочил и кричит: «Бегом, мам, в эту». Второй бах. А на третьем загорелось. Только загорелось – упихнул меня туда да тикав прямо. А там уже горит, на той стороне. Украинские нацисты стреляли. Как они, падлы, надоели, я уже третью войну переносу с этими украинцами. Я на первой войне была, у меня ребенка вырвали шестимесячного, нас забрали, мать всех нас сгорнула в кучу. Вырвали, подлецы, я их проклинаю этих украинских нацистов. Во вторую мировую. Нас одиннадцать детей было. Братика забрали, Сашеньку. Об лёд ударил, даже фашисты – вот так все сжались. Украинские нацисты, они и тогда такие были. Ой, Господи. Потом всё поспалили».

М.С. Григорьев, Д.В. Саблин

УКРАИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (2022-2023)

УКРАИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (2022-2023)

На сайте <http://украинские-преступления.org>
вы можете подробно ознакомиться со стенограммами опросов
пострадавших и свидетелей массовых преступлений
украинской неонацистской власти.